

Глава 11. Сяншэн Хромого Чжана

В тот вечер Цинь Юэцзиню и Цзян Чэньяну, разносившим напитки, наконец-то довелось услышать выступление своего наставника.

Выход Хромого Чжана стоял в программе первым. Старик был уже в годах, и Ху Чжунфа, проявляя заботу, старался ставить его пораньше, чтобы тот мог поскорее закончить работу и отправиться домой отдыхать. Чжан Лицзи ценил доброту босса, а потому, здраво оценивая свои силы, не противился такому порядку.

Старик выступал в жанре данькоу — сольного сяншэна.

Стоит сказать, что рассмешить зал в одиночку куда труднее, чем в дуэте. Вся динамика, завязки и кульминации шуток ложатся на плечи одного человека, что требует от артиста невероятного мастерства. В нынешние времена тех, кто способен по-настоящему качественно исполнить сольный сяншэн, по праву считали мэтрами жанра.

Чжан Лицзи вышел на сцену в традиционном длинном халате-пао. Несмотря на хромоту, двигался он с достоинством. Лучи прожекторов безжалостно высвечивали каждую глубокую морщину на его лице, но в самом старике чувствовался какой-то необычайный, бодрый дух. Свет от огромного LED-экрана за его спиной создавал странный, почти мистический ореол, словно сама сцена рукоплескала его непростой, полной испытаний жизни.

Старик подошел к стойке микрофона и заговорил. Речь его лилась плавно, ритмично, с идеально выверенным темпом. Это не было похоже на его обычную будничную болтовню — казалось, его слова обладали какой-то магической силой.

— Блекнет закат, догорает вдали...

Дела не откладывай, время лови...

Сон золотой — лишь мгновенья обман...

Проснулся и вижу... кто выгреб мой карман?!

Начал он чинно и важно, но закончил на такой неожиданной ноте, что едва не подпрыгнул на месте.

— Ха-ха-ха! — зал взорвался смехом. Гости клуба оценили старика — забавный дед.

Вообще-то, последняя строчка этого традиционного вступления должна была звучать как «Проснулся и вижу — в душе лишь туман», но Чжан Лицзи прямо на ходу переиначил стих,

добавив в него комизма.

— Приветствую всех! Сегодня здесь много старых друзей, но есть и новые лица. Для начала представлюсь: в народе меня кличут Хромым Чжаном.

Он сделал паузу и, притворившись обиженным, добавил:

— Могу поспорить, новички сейчас гадают: «А почему это его так зовут?» Вы что, не видели, как я сюда ковылял?! И еще спрашивают!

По залу снова прокатились смешки.

— Да, нога у меня действительно не в порядке. Но почему? Вот этого вы, ребята, точно не знаете, — старик похлопал себя по больному колену. — Вы, небось, думаете: врожденное это или травма? Отвечу: травма. Эх, если б вы знали, какая героическая и полная слез история стоит за этой хромотой...

Он картинно вздохнул и замолчал, глядя вдаль с таким видом, будто воспоминания о былом причиняли ему невыносимую муку.

Зрители заинтригованно затихли. Чжан Лицзи заговорил снова — на этот раз тихим, вкрадчивым голосом:

— Помню, была ненастная ночь. Ветер выл, дождь хлестал стеной... И вдруг впереди, в тумане, я увидел ослепительное сияние. словно клубы пара поднимались к небесам. Я замер: что это за чудесное место? Я за свою жизнь каких только демонов не видал, в какие только пещеры не забирался, но мимо такого пройти не мог. Любопытство пересилило, и я подкрался поближе. Эх, смотрел я, затаив дыхание, целый час... А потом на мою голову обрушилась кара небесная!

Зал замер. Все были поглощены рассказом, гадая, что же за невероятное приключение пережил старик. Сердца зрителей забились чаще в предвкушении развязки.

И тут Чжан Лицзи выдал финал:

— Откуда ни возьмись, выскочила толпа девчонок да молодых и давай меня мутузить! Кричат: «Извращенец! Подглядываешь!» Обидно-то как, господа! Ну сами рассудите: если вы на дверях женской бани табличку не повесили, при чем тут я?!

Старик запричитал, едва не размазывая слезы по щекам. Вид у восьмидесятилетнего деда был такой жалкий и несчастный, будто его действительно несправедливо обидели в лучших чувствах.

До аудитории дошло не сразу, но через секунду клуб буквально содрогнулся от хохота. Выходит, этот старый пройдоха подглядывал за женщинами в бане! А ведь как расписал: «героическая история», «ослепительное сияние»... Еще и целый час простоял, сил-то хватило!

— Ха-ха-ха! Молодцом!

Зрители свистели и аплодировали. Атмосфера в зале накалилась до предела.

Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян, застрявшие в проходе с подносами, тоже не смогли сдержать улыбок. С виду — приличный наставник, а на сцене — натуральный шкодливый бес!

Глядя на веселящуюся толпу, парни осознали важную вещь: из четырех столпов сяньшэна — «говорить, подражать, дразнить, петь» — именно умение «дразнить», то есть юмор, было самым главным.

Их позвали выполнять заказы, но они продолжали прислушиваться к тому, что происходит на сцене. Грохочущая музыка смолкла, уступив место голосу Хромого Чжана, который то и дело прерывался взрывами смеха и одобрительными выкриками.

Выступление подходило к концу, и финал снова заставил учеников наострить уши.

— Как вы, верно, слышали, в нашем деле четыре основы. И последняя из них — «петь». Обычно под этим подразумевают «Таипин гэцы» — баллады о великом спокойствии. Но я уже упоминал, что в юности меня с позором изгнали из школы. Более того, меня заставили принести клятву: ни я, ни мои ученики во веки веков не смеем исполнять эти баллады.

Об этой истории парни уже знали — учитель рассказывал им во время обряда посвящения. Но если нельзя петь традиционные куплеты, то что тогда? Этот же вопрос читался на лицах большинства зрителей.

— Вы спросите: «Раз баллады под запретом, что же тебе остается?» А я вам отвечу: голос-то у меня — заслушаешься! Раньше, бывало, запевал — будто иволга поет или ручей по камням звенит. Сами посудите, если в сяньшэне из четырех основ одну выкинуть, что получится? Три из четырех? Это уже не искусство, а недобор в маджонге какой-то!

Зал снова прыснул.

— Вот и я тогда пригорюнился. Пошел в горы, взобрался на самую вершину, глянул вниз — красота! Чувствую, как в груди величие рождается, простор неоглядный...

Старик принялся комично ощупывать свою грудь, поглаживая халат. Зрители поначалу не поняли маневра, но следующая фраза заставила всех согнуться от смеха:

— И вдруг вижу: прямо напротив меня — две горы. Стоят такие... выдающиеся, из общего ряда выбиваются. Гляжу и понимаю: да это же легендарные «Двойные вершины»!

Он продолжал двусмысленно массировать грудь. До публики дошло: старик пошел на «грязный» каламбур. Чтобы удержать внимание молодежи в ночном клубе, нужно было балансировать на грани, и Хромой Чжан мастерски играл на пикантных темах.

Цинь Юэцзину было всего семнадцать, и он, хоть и понял намек учителя, мгновенно залился краской.

Тем временем старик на сцене закончил подготовку:

— В общем, раз баллады «Великого спокойствия» мне петь нельзя, буду петь свои — «Мелодию Двойных вершин»! Раз уж там было плоско, тут будет... объемно. Назовем это симметричным ответом!

Зал неистовствовал. Молодежь свистела, требуя продолжения.

— Давай, старейшина Чжан! Жги!

Старик прищурился от удовольствия. Он выдержал паузу и запел. Голос, который в обычное время казался хрипловатым от табака, вдруг зазвучал чисто, глубоко и удивительно мелодично.

Это была странная музыка: в ней слышались отголоски древних напевов, но без лишних завываний. Мелодия казалась богаче и современнее, чем традиционные баллады, напоминая скорее душевный фолк. Хромой Чжан мастерски владел голосом, переходя от вольных, широких нот к нежным переливам. Гости клуба заворуженно слушали, погружаясь в этот непривычный ритм.

В руках у старика появились две круглые пластины из нефрита, связанные шнурком. Чистый, благородный звон камня идеально ложился в такт песне.

К финалу голос Чжана опустился до едва слышимого шепота:

— Твердят, что мир изменчив, а путь во тьме лежит,

И сердце от печали предутренней дрожит...

А затем звук резко взмыл вверх, словно прорываясь сквозь грусть к небесному свету:

— Но я пойду наперекор, судьбу в узде держу!

Лишь в чистоте покоя нуждается душа!

Старик оборвал песню на высокой ноте. Секунду в зале стояла тишина, а затем обрушился шквал аплодисментов.

— Bravo!

Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян переглянулись. Оба были потрясены. Они вдруг осознали, насколько на самом деле велик их учитель. Такая техника, такой контроль... Это было прекраснее всего, что они слышали раньше.

Даже когда на сцене снова загрохотал бит, мелодия Хромого Чжана продолжала звучать в умах зрителей. В этом и был секрет — почему с каждым днем в «Остров Золота» приходило все больше людей именно «на старика».

Закончив выступление, Чжан Лицзи собрал вещи. Сегодня он уходил не один — ученики вызвались проводить его до дома, пообещав вернуться на смену позже. Старик с довольной улыбкой принял эту заботу.

По дороге он внезапно спросил:

— Как думаете, выступать со смешками в ночном клубе — это зазорно?

Цинь Юэцзин замялся, не понимая подоплеки, но ответил честно:

— Да нет, учитель. Я и не знал раньше, что здесь слушают сяньшэн, но публика вас приняла отлично. Почти как в театре.

— Какая разница, где на кусок хлеба зарабатывать, — добавил Цзян Чэньян. — Я и не думал, что для этого нужны какие-то особые залы.

Чжан Лицзи рассмеялся, и в его смехе послышалось одобрение.

— Знайте: сяньшэн родился на пыльных дорогах, под открытым небом. Это уже потом он перебрался в чайные да театры. Даже основатели великого «Зала Счастья и Праздника», прежде чем выступить перед знатью, рисовали круги мелом на земле прямо на базарах.

Он посерьезнел:

— Сяншэн — он и в Африке сяншэн. Где его ни рассказывай, суть не меняется. Никогда не думайте, что в клубе выступать — низко, а в театре — благородно. Помните: у искусства нет рангов. Оно не зависит от места. Гниль или величие бывают только в сердцах людей. Особенно в сердцах тех, кто пытается судить других!

Парни слушали очень внимательно.

— Наше ремесло — людей веселить. Если гость доволен, у нас есть чем кормить семьи. Не вздумайте задирать нос, а то падать будет больно. Даже если завтра станете звездами первой величины, не забывайте слов старика: сохраняйте спокойствие в душе. Это самое важное.

Всю дорогу он давал им советы — о жизни, о том, как держать удар и как смотреть на меняющийся мир. Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян ловили каждое слово. Опыт восьмидесятилетнего человека, прожившего целую эпоху, стоил любых учебников.

Когда они дошли до дверей его дома и собрались уходить, Чжан Лицзи обернулся:

— Завтра утром жду вас. Начнем учиться по-настоящему.

Лица парней просияли.

— Слушаемся, учитель!

Старик проводил их взглядом, прищурившись от удовольствия, и пошел спать, чувствуя, что день прожит не зря.

<http://bllate.org/book/17504/1657124>